

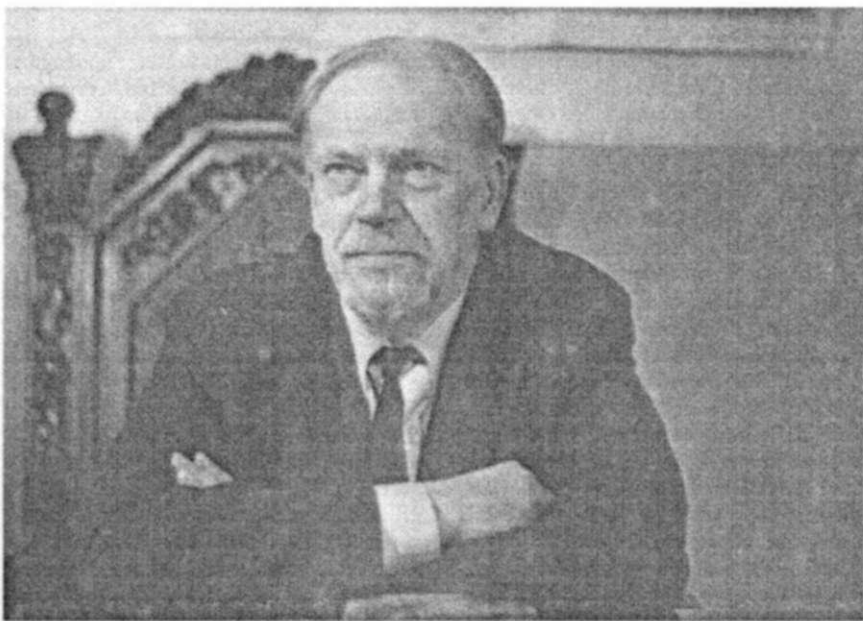
АКАДЕМИК С. В. Калесник

Сто пятнадцать лет тому назад, а именно - 23 января 1901 года, в семье Викентия Георгиевича и Юзефы Анто-

новны Калесников родился первенец-сын Станислав.

Мальчик рос смышлёным и любознательным, рано научился читать и счи-

тать, поэтому, когда пришел срок, его отдали в католическую гимназию при церкви Святой Екатерины в Петербурге, где обучались дети из польских и ли-

Кабинет президента ВГО Январь 1971

товских семей. Обучение в гимназии было образцовым - много внимания уделялось языкам - как мертвым, латыни и греческому, так и трём основным европейским. На высоком уровне преподавались русский язык и литература, позже и естественные науки. Конечно, не были забыты история искусств и музыка, а также Закон Божий в его католическом варианте и основы других ветвей христианства и нехристианства, принятых на территории Российской империи. В младших классах ученье шло кое-как, но впоследствии, ответственно осознав, какую тяжелую ношу для семьи составляет плата за обучение, (а уже подрастали две младшие сестры Янина (Нина) и Мария), Станислав взялся за ум, и переходил из класса в класс с похвальными листами, что освобождало родителей от материальных затрат. Думаю дело не только в ответственности и духе соревнования - в юношеском возрасте уже определился круг интересов. Легко справляясь с языками и математикой, больше всего Станислав интересуется естественными науками. Он зачитывается книгами Жюль Верна и Луи Буссенара, его влечет романтика дальних странствий, открытий и приключений, манят загадки и тайны Востока. После окончания гимназии, весной 1918 года, Станислав Калесник пытается поступить на восточный факультет Университета, однако выясняется, что он единственный желающий. Для поступления на географический факультет необходимо было иметь справку из жилконторы, и, по возможности, справку об окончании школы. Как рассказывал С.В. первую лекцию «Введение в физику» читал профессор Хвольсон. Большая физическая аудитория была забита до отказа - студенты сидели в проходах и стояли в дверях. Хвольсон окинул их взглядом и повер

нулся к доске: «Итак, как всем хорошо известно» - мел застучал по доске, покрывая её формулами, символами и цифрами «мы имеем... из этого следует, таки образом» - продолжал Хвольсон, не оборачиваясь. Аудитория, сперва притихла, потом начала понемногу пустеть. После перерыва, нас осталось около десятка слушателей, профессор улыбнулся: «Ну что ж, господа, приступим к нашим занятиям!» Однако для Калесника эти занятия длились недолго: в Петрограде становилось всё голоднее, впереди зима, а в семье ещё двое маленьких детей. Викентий Георгиевич принимает решение ехать к родственникам в Аткарск Саратовской губернии. Собственно с этого времени, с Аткарска, в свои 18 лет Станислав начинает взрослую жизнь. У него легкое перо, он умеет ярко и нестандартно излагать события - в Аткарской газете сперва работает корреспондентом, потом заведует отделом хроник. Романтический склад натуры зовёт от описания событий перейти к делу. Идет гражданская война, Южный и Юго-Восточный фронты совсем близко. С.В. Калесник приходит добровольцем в эпидемический отряд, сперва делопроизводителем, а затем становится командиром отряда. Судьба его хранит - он переболел всеми возможными видами тифа, дизентерией и многими другими инфекциями, свирепствовавшими среди бойцов Красной армии, однако молодой организм вышел с честью из этой борьбы. Здесь же, в эпидемотряде он встретился со своей первой женой, Ефросиньей Ивановной Голубевой, в браке с которой родилось трое детей: Дина, Лев и Ванда. Поневоле, став военным человеком, С.В. после окончания Гражданской войны служит то в Ростове-на-Дону, то в Грозном, то во Владикавказе. Где-то между делом ему удалось окончить Военно-

педагогическую школу. Обучение длилось всего 2 года - это не было полноценным высшим образованием, но давало возможность преподавать. Вот где пригодились гимназические уроки! В этот период С.В. уже преподавал высшую математику, физику, геологию, географию и даже сопротивление материалов!!

В домашнем архиве есть небольшой двойной листочек, на котором с помощью чертежей и символов изложена вся тригонометрия. Конечно, гимназическое образование не только давало знания, но, самое главное, учило - учиться. И какой бы пёстрой ни была география мест службы в этот период жизни С.В. Калесника, в конце концов, он вернулся в Ленинград и поступил в Университет на географический факультет. Впоследствии, уже после смерти С.В., когда в географическом обществе отмечали его 80-летний юбилей, меня потрясли слова его старого друга, профессора С.С. Шульца: «На втором курсе к нам присоединился высокий худой студент в длинной кавалерийской шинели, говоривший с сильным польским акцентом» Ведь все, кто знал С.В. Калесника позднее, неоднократно отмечали исключительно чистый литературный язык его лекций и публикаций, трепетное отношение к русскому языку. Одна из самых знаменитых его статей так и называется: «О чистоте языка научных работ» Участь в Университете, С.В. принимает участие в экспедициях, а вскоре начинает их возглавлять. Сперва, это средняя полоса России, а потом всё дальше на восток - Кулундинская степь, потом, уже будучи «молодым специалистом» С.В. возглавляет экспедицию в Западный Тянь-Шань, в Заилийский и Джунгарский Ала-Тау. Здесь проявились самые лучшие качества Калесника - ученого. Во-первых, блестящая организация всех работ, продуманных до мельчайших деталей планов, и быт членов экспедиции. Во-вторых, воистину энциклопедический охват проблем: сотрудники занимались наблюдением за климатом, описывали геологические обнажения, делали ландшафтную съёмку, наблюдали за ледниками. За один полевой сезон (а их было три) экспедиция успевала сделать столько, сколько впоследствии, другими исследователями за несколько сезонов.

Среди самих участников экспедиции царил удивительная атмосфера товарищества и дружбы. С. В. умудрялся выпускать стенгазеты, писал их сам от начала до конца, там были статьи, фельетоны, рассказы, много стихов серьёзных и шуточных. В этих экспедициях с ним рядом была его коллектор, неизменная помощница во всём, главная любовь его жизни, ставшая его женой и верной спутницей в радости и горе - его вторая жена Н. Б. Быкова. Они прожили вместе 46 лет, у них было две дочери - Наталия,

погибая во время войны, и Наталия, автор этих строк.

По результатам научных наблюдений этих лет С.В. Калесник написал книгу «Горные ледниковые районы СССР». Она была высоко оценена его коллегами, и С.В. Калесник в 36 лет становится доктором географических наук, минуя кандидатскую степень. В этот же период он окончательным покидает армию. Писарь, оформлявший документы воскликнул: «Куда же Вы, вам до присвоения звания Комбрига осталось два месяца!» Решение это было обдуманное и твёрдое – главное дело жизни – наука. Уже в начале тридцатых С.В. Калесник начинал преподавать в Университете. Блистательно владея словом, (а риторике тоже в гимназии обучали), он собирает всегда полные аудитории, Калесника приходят слушать с других факультетов. Продолжается научная работа – он возглавляет Кафедру полярных стран, (впоследствии Кафедра физической географии), затем его назначают деканом Географического факультета. Параллельно С. В. ведёт большую работу в Географическом обществе, где по рекомендации президента Н.И. Вавилова, становится Учёным секретарём. И вот ещё одна маленькая, характерная деталь: несмотря на сложное материальное положение в семье – надо было помогать растить старших детей, а Н.Б. сидела дома с маленькой дочуркой, - С.В. отказывается от оклада Ученого секретаря передавая эти деньги на нужды Общества – снаряжение экспедиции, пополнение библиотеки, и т.д. Мотивировал он это тем, что для него большая честь быть Ученым секретарём после плеяды блестящих предшественников, а Обществу деньги нужнее... Без комментариев. За эти предвоенные годы была ещё одна экспедиция на Тянь-Шань, с попыткой покорить вершину Хан-Тенгри, а также интереснейшее путешествие по Северному морскому пути на ледоколе «Малыгин».

Война застала в Ленинграде. Опираясь на свой военный опыт - хотя теперь по бумагам он проходит как «рядовой необученный», - С.В. трижды подавал заявление в военкомат, и трижды ему было отказано. И всё - таки боевой орденом «Красная Звезда» был им получен - его наградили за брошюру «Военная география», в которой доходчиво объяснялось бойцам и командирам, как выбирать выгодную позицию, как использовать природные особенности местности и т.д. Он очень гордился этим орденом – мне кажется, он был его любимым.

Осень 1941, а также в страшную блокадную зиму 1941-1942г.г. Университет продолжает работать, его эвакуируют только в апреле 1942года. Будучи от природы высоким и худым, С.В. тяжело переносит голод и холод. Совсем дистрофиком он попадает в стационар, в гостинице «Астория», где пытались под-

держат лучших представителей научной и творческой интеллигенции. Вместе с ним там оказались пианист Лев Оборин и В.В.Софроницкий, певец Ефрем Флакс. В «Астории» кормили, но электричества и тепла не было. По вечерам при свете свечей и коптилок иногда устраивались творческие вечера, вокальные и инструментальные. Это поддерживало обитателей «Астории», давало новые силы. Как потом рассказывал С.В., помимо голода физического его бушевал голод духовный: он составлял список литературы, Н.Б. привозила на саночках через Неву из Университетской библиотеки научные книги, а он, не переставая писал, отогревая чернильницу в руках. Удивительно ясно и чётко работала мысль – за три недели в «Астории»

С.В. был написан его наиболее значительный труд: «Основы общего землеведения». Эта книга получила Университетскую премию и была выдвинута на Сталинскую. К сожалению, кто-то из списка выдвинутых оказался «врагом народа» или «космополитом» - список весь зарубили.

В эвакуацию в Саратов Университет был отправлен 7 апреля 1942 года. Калесники ехали влятером: С.В. Н.Б. её мать Н.А., а также Лев и Ванда - дети от первого брака. Дочь С.В. и П.Б. были эвакуированы с детским садом ещё в июле 1941года.

Идти сам из-за дистрофии С.В. не мог. Н.Б.везла его на саночках до вокзала, потом Ладога, вся в полыньях от бомбёжек, машины практически шли по воде, но Бог спас, доехали до Кобоны! Здесь, совершенно неожиданно подстерегала другая беда. Людей погрузили в эшелон, рядом были организованы походные кухни. За пайком послали детей. Когда они принесли котелок с горячей едой, а так же сухой паёк – а это был хлеб, большой кусок сала и луковицы – С.В. строго приказал всем есть понемногу, а сало убрал со стола и выдавал, потом маленькими порциями. Как вспоминал Лев Станиславович, - а ему было 16, он готов был съесть весь этот кусок целиком, но отца послушаться не посмели, а многим эвакуированным эта кормёжка стоила жизни.

Саратовский университет встретил Ленинградцев очень радушно, чего не скажешь о рынке: в связи с наплывом эвакуированных цены подскочили в несколько раз. Ленинградцев поселили в гостиницу «Россия» Семья Декана географического факультета жила в большой комнате, и её часть вместе с обеденным столом иногда превращалась в деканат, иногда в кинозал, иногда, пока С.В. окончательно не поправился, и в студенческую аудиторию. Наверное, именно тогда у Ванды возникло желание стать географом, ну а Лев всегда хотел летать, и в 1943году он поступил в Луганское лётное училище. Скоро универ-

ситетская жизнь наладилась, проходили заседания Учёных советов, студенты защищали дипломы и многие уходили на фронт. Так продолжалось до весны 1944года. В мае Университет, а с ним и семья Калесников вернулись в Ленинград. Послевоенный период 40е-50е годы отличены особенной и интенсивностью научно-педагогической и общественной деятельности С.В. Калесника. В Университете он по-прежнему возглавляет кафедру Физической географии и Географический факультет. Какое-то время исполняет обязанности Ректора Университета, а затем становится Проректором по научной работе. Ходили легенды, что у него в ящиках рабочего стола есть лист с именами всех преподавателей. А дело было значительно проще – обладая феноменальной памятью, он называл всех посетителей по имени - отчеству и здоровался за руку, а дамам руку целовал! Во - всю кипит работа в Географическом обществе. С.В. по-прежнему Учёный секретарь, ответственный редактор «Известий ВГО».

В 1951 году Общество награждает его Золотой медалью им.Ф.П. Литке (предметом домашних шуток было то, что Ф.П...Литке приходился Н.Б. прапрапрадедом), а в 1952г. избирает своим Вице-президентом. В 1953году С.В. становится Членом-корреспондентом Академии наук. Следует отметить, что научные интересы и жизнь семьи всё чаще обращена в сторону Карельского перешейка. Сразу после войны Университет получает в качестве Дома Отдыха обширный участок с дачами в Терийоках (Зеленогорск), куда вывозят на дачу маленькую дочку, родившуюся в августе 1944 года, и сам С.В. очень любит там отдыхать. Он организует студенческие экскурсии для знакомства с ледниковыми ландшафтами Карелии, а 1949 году в Кара-Лахти(Кузнечное) открывает базу для летней практики студентов. В 1947году, когда начались переименования на бывших финских территориях, С.В., от имени ГО, предлагает ОК КПСС подключить к этой работе топонимическую комиссию ГО, которая могла бы дать грамотные и научно выверенные рекомендации на эту тему. Однако, дело было не столько в топонимике, сколько в политике. В результате появились безликие, исторические ошибочные, а иногда трудно произносимые названия. Всё эти Тракторные, Первомайские, Моторные или Приветненское (по-русски, неверно, правильное Приветное или Приветино?). А чего стоят Приозёрск (древняя русская крепость Корела) или Приморск. Ему повезло больше всех – у новгородцев в 10 веке это был острог Берёзовый – отсюда Берёзовые острова, которые сохранили своё название, у шведов – Бьёрке (в переводе Берёзовый), у финнов – Койвисто (Койву по-фински – берёза). А у нас – Приморск, так как стоит на берегу мо-

ря!! Ну что ж - чиновничья тупость и серость – явление не новое на Руси.

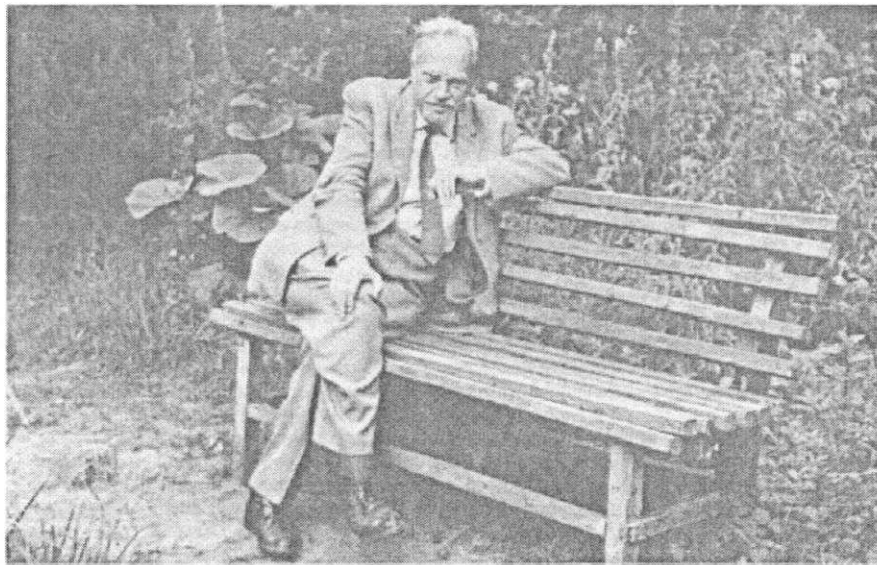
После избрания С.В. членом - корреспондентом Академии наук появилась возможность обосноваться в Комарово в Академическом посёлке. Сперва были планы строительства - в те поры вокруг старого Академгородка отвели большую территорию для новых дач. Но что-то не нравилось, а где хотелось, ближе к Зеленогорску, уже начинались земли «лесфонда». Дома сохранился планшет с архитектурными планами загородных домов с стиле «северный модерн», один из которых испещрён пометками и комментариями С.В. Однако потом эта идея была отброшена, т.к. удалось сперва арендовать, а потом купить полдома бывшей дачи академика Н.С. Державина. Это было судьбоносное решение т.к. у С.В., работавшего практически «на износ» появилась возможность полноценного отдыха. Дом стоит среди сосен и кустов сирени и жасмина, нет телефона, до моря -15 минут прогулки через лес. С.В. и здесь плодотворно работает, его письменный стол стоит под окном, за которым шумят деревья, слышны голоса внуков и лай любимой собаки. Вечерами неторопливый ужин на веранде за столом под большим абажуром, общение с друзьями, игры в четыре руки на взятом на прокат стареньком пианино. Комаровский период продолжился более 20 лет. За это время С.В. стал действительным членом Академии (1968), был избран Президентом ГО (1964), Вице-президентом Международного Географического Союза (1968). За письменным столом в Комарово были обдуманы и написаны более сотни статей и докладов, две книги, «Общие географические закономерности Земли», «Очерки гляциологии». Была задумана монография «Основы общего озероведения», в которой С.В. предлагал рассматривать озеро как целостный природный комплекс, образующий со своим водосбором единую материнскую систему.

После избрания членом-корреспондентом Академии наук, С.В. возглавил лабораторию озероведения АН. Штат сотрудников, насчитывающий около ста человек, был разобшен территориально – разные «сектора» обитали по пяти адресам. Работа шла ни шатко, ни валко, не было настоящего научного взаимодействия между разными направлениями исследований. Придя, домой с первого Учёного совета Лаборатории С.В. в сердцах воскликнул: « Это какая – то банка с пауками, а не коллектив!». Но С.В. не умел делать что-то спустя рукава. Благодаря его энергии и организаторским способностям вскоре Лаборатория собралась под одну крышу (Петровская набережная, дом 3). Определались основные направления и приоритеты в работе. Всё это привело к тому, что Лаборатория выросла в Институт, которому

Международная Ассоциация теоретической и прикладной лимнологии поручило организацию 18 Лимнологического Конгресса в 1971 году. Подготовку к конгрессу возглавлял, естественно, директор института Озероведения академик С.В. Калесник. К сожалению, будучи человеком высочайшей ответственности, С.В. переоценил свои силы – буквально за неделю до открытия Конгресса его свалила тяжелая болезнь. Медицина и стены родного дома понемножку возвращали утраченное здоровье. Теперь уже здесь, в Комарово, заседали Учёный совет института, собиравший большой Совет ГО, приезжали студенты и аспиранты Кафедры Физической географии. Н.Б. стала и медсестрой и сиделкой и ученым секретарём. В конце августа 1977 года скорая помощь отвезла С.В. в академическую клинику в связи с ухудшением состояния здоровья. В спешке забыли дома ботинки – С.В., чувство юмора которому никогда не изменяло, пошутил: « Ну что ж, обратно босиком пойду». Эти слова оказались пророческими – 13 сентября 1977 года его не стало. Похоронили С.В. Калесника на Комаровском кладбище.

Это повествование было начато стандартными сведениями, которые необходимо указывать при заполнении анкет, написании автобиографии и т.д. – С.В. Калесник родился 23.01.1901 года, однако я намеренно не указала - где. Надо сказать, что всю свою жизнь С.В. очень любил детективы, даже сам пытался писать (один из них, «Случай на всемирной выставке», был опубликован в альманахе «Мир приключений» в 1970 году). На книжном стеллаже в кабинете была отдельная полочка, на которой стояли тома А. Кона Дойла, Честертона и Сименона, был машинописный экземпляр «Убийство Роджера Экройда» Агаты Кристи.

При этом, естественно, никому в голову не пришло применять методы Шерлока Холмса при изучении жизненного пути такого публичного человека, каким был С.В. Калесник. Во всех его биографиях, автобиографиях, Б.С.Э., «Кто есть кто?» и т.д., местом рождения указан Санкт - Петербург (иногда Петроград). Сам он обычно писал привычное - Ленинград. Так бы всё и осталось, пока не был разобран домашний архив. Вот здесь обнаружили «Личное дело» за 1929 год - стандартная бюрократическая форма, заполняемая отделом кадров. В графе место рождения указан город Свенцяны Виленской губернии, национальность – поляк, в графе «родной язык» - польский. Там же приложен маленький листочек, где рукой С.В. написано «Свенцяны Виленской губернии». О том, что Викентий Георгиевич родом из Свенцяны (теперь это Швенчёнис в Литве) было известно. Когда эти земли вошли в состав СССР, он собирался, со слов Н.Б., съездить на родину, однако не успел – в декабре 1941 года В.Г. умер от голода в блокадном Ленинграде. Но то, что его первенец Станислав родился в Свенцянах никто не знал. Самая ранняя фотография С.В. – (маленький Стасик, 1902 года) сделана в Петербурге. Почему С.В. скрывал этот факт, зачем семья с годовалым ребёнком на руках, бросив всё, поехала в столицу (не в соседний, 60км., Вильнюс), в Петербург, где не было ни каких близких родственников. Да, в Петербурге была обширная польская диаспора, а районе Удельной, где впоследствии В.Г. купил квартиру, был преимущественно населён поляками. В общем, сплошные вопросы, и так как сам С.В. никогда ничего не рассказывал, было принято решение вести самостоятельные расследования. Осенью 2015 года я побывала в Литве в Швенчёнисе, связалась с музеем, где моим рассказам и документам отнеслись

п. Комарово 14 июля 1967

очень заинтересовано. Посетила костёл св. Михаила. Трудно передать эмоции, когда я стояла перед алтарём и представляла себе, как вот здесь, на этом месте, клятву супружеской верности давали мои дед и бабушка, (они были ревностные католики) и здесь же, я в этом не сомневаюсь, крестили новорождённого Стасика. Потом беседовала с ксендзом, отцом Чепонисом, который был внимателен и любезен и обещал поискать метрические книги 115-летней давности! В общем Швенчёнис и его люди очаровали меня, а осенние пейзажи озёрного края исполнены первозданной красоты. Тогда - еще вопрос – почему возглавляя отечественное озероведение, С.В. никогда не навещался в родные места? Ведь экспеди-

ции института работали в соседней Белоруссии, в Эстонии и на Кольском полуострове, на Валдайской возвышенности и в горах Средней Азии (озеро Иссык-Куль). Казалось бы, строчка из анкеты, а ведь она спасла С.В. жизнь.

Поздним вечером 28 декабря 1937 года к дому 4 по Песочной улице подъехал «воронок». Люди в кожанках отвезли С.В. в «Большой дом» на Литейном 6. Когда С.В. попал в камеру, один из первых вопросов, который ему задали, был: «Вы кто по национальности?» «Считаю себя русским, по паспорту – поляк» - «Поляки уже прошли!» Видимо, план по полякам уже был выполнен, шли латыши или немцы, или татары.

Через две недели С.В. был выпущен на свободу.

Я намерена продолжать исследования польско-литовской темы, мною запрошен Литовский Центральный исторический архив, проведена консультация с Генеральным Консулом Литовской республики в городе Санкт – Петербурге Дайнюсом Нумгаудисом. Думаю, совместными усилиями мы разгадаем эту загадку, и в жизнеописании академика С.В.Калесника будут внесены новые данные

**«Жизненный путь С.В. Калесника»
- семейный архив.**

23.01.2016 год.

Н.С. Морозова - Колесник.